

Ирина
БЭЙЛИ

ОНА УЕХАЛА В АНГЛИЮ

16+

Ирина Бэйли

Она уехала в Англию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42773231

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98032-7

Аннотация

Когда рушится брак и работа не приносит радости, Лиза сбегает из московской рутины в Англию, чтобы разобраться в своей жизни. Неуверенная в себе и своем таланте, она обретает шанс это исправить. Получится ли ей им воспользоваться? Сможет ли она найти свое счастье, обрести новых друзей и встретить новую любовь? Вы узнаете из этой романтической истории.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ирина Бэйли

Она уехала в Англию

С благодарностью к моему мужу Гарету Тригве Бейли

Глава 1

Пока Брюс бежал где-то впереди, радуясь прохладному ветерку, окутывающему со всех сторон множеством сладких, цветочных запахов, Лиза семенила вслед за ним в резиновых сапогах цвета хаки с таким характерным для Англии фирменным знаком «Hunter». Ей было и страшно, и в то же время волнительно сознавать, что она находится за тысячи километров от дома, где еще несколько дней назад она пролила столько слез. Лиза посмотрела на заходящее солнце, постепенно ускользавшее за поле, оно напоминало ей махровое желтое полотенце с выпуклыми узорами.

Брюс остановился и взглянул на свою компаньонку, словно догадавшись, что она загрустила. Теперь он хотел от нее подтверждения – что все в порядке, что она более чем счастлива и желала любоваться вместе с ним красотами английской сельской местности. Лиза улыбнулась ему, и он, довольный этим коротким, но убедительным жестом, устремился вперед. Маленький, абрикосового цвета комочек из миллиона шелковистых кудряшек и безграничного оптимизма, он походил на плюшевого мишку, который однажды ожил в комнате Саши, дочери Лии.

Медленно, погружившись каждый в свои раздумья, они добрались до дома. Брюс остановился у ворот и уставился на них, ожидая, что они откроются силой его мысли. Лиза на-

жала на пульт, и как только двери стали отворяться, они одновременно проскользнули внутрь, и, оставшись за пределами погружающейся в вечернюю дрему английской деревни, Лиза нажала на кнопку «Заккрыть».

Когда они вошли в дом, Лия сидела за длинным, массивным обеденным столом, держа в руках глянцевый кулинарный журнал. Огромная кухня Льюисов плавно переходила в такую же огромную гостиную, и этот стол условно разделял территорию домашних хлопот и зону отдыха.

В доме царил необычайная чистота, и если женщина является душой своего обиталища, то здесь это можно было ощутить в полной мере. Лия наполнила собою все пространство, разукрасив мебель и стены в светлые ванильные тона, не забыв при этом сделать несколько ярких акцентов в виде розовых пионов, валяжно раскинувшихся из большой позолоченной вазы и благоухающих тонким сладковато-острым ароматом, и журналов мод, встречающихся здесь в самых неожиданных местах, благодаря чему гости дома то и дело переносились из состояния тишины и уюта средневековья в современный хаотичный мир дизайнерских фантазий.

– Вы вернулись, мои дорогие? Хотите чаю? С медом ма-нука. Ты слышала про такой? Он очень популярен в Англии. Вы, наверное, замерзли? Летние вечера в Англии не такие уж и согреты солнцем. От русских всегда ожидают закалки, а мы полная противоположность этому. Так что приходится приспособливаться.

Лия вот уже несколько лет придерживалась здорового питания, которое она не без удовольствия совмещала с разнообразными процедурами красоты. Ее губы выглядели идеально: красивая от природы, по-детски пухлая форма и насыщенный льдисто-розоватый цвет. Надувая их или приторно-сладко улыбаясь, немного прищулив при этом голубые глаза, Лия умело строила перед мужчинами невинные гримасы, мгновенно превращаясь из сорокалетней женщины в прелестную девочку. Другим женщинам это не нравилось, им представлялось невозможным выиграть схватку за процентное соотношение женственности на один квадратный сантиметр тела, зато мужчины, оказываясь рядом с ней, тотчас превращались в мартовских котов.

– Да уж, пока что-то не чувствуется лето. Все, что я привезла с собой из вещей, пригодится ли здесь? С удовольствием попью чай. С этой штукой. Как ты ее назвала? – ответила Лиза, снимая с Брюса шлейку, а он при этом так и норовил лизнуть ее лицо. Он обожал целоваться. – Саша уже спит?

– Да, как только вы ушли, я уложила эту егозу спать. Почитала ей немножко, и она счастливая уснула. Только вот она обеспокоена, не забереешь ли ты Брюса с собой в Россию, – улыбнулась белоснежной улыбкой Лия. – Я уверила ее, что нет. Что он ни за что не захочет уехать, так как любит свою Сашеньку.

– А чизкейк остался? – спросила Лиза.

Брюс растянулся на полу и лежал на животе. Он изрядно

устал за целый день, но в силу своего врожденного любопытства не спал, а с интересом наблюдал за женщинами. Складывалось впечатление, что он никогда не спал днем, словно боялся упустить что-то очень важное, что могло произойти без его участия.

Лия встала из-за стола и достала из холодильника чизкейк с очень характерным для этого дома названием «Millioner's».

– Кроме тебя его никто у нас не ест.

– Я за три дня поправилась на полтора килограмма, – сказала Лиза, представляя, как бельгийский шоколад попеременно с карамелью приятно тают у нее во рту.

– Еще бы на чизкейке и круасанах не поправиться, – улыбнулась Лия, облизывая маленькую серебряную ложечку с медом.

Смакуя кусочек «миллионера», Лиза пошутила, что это стоит того, чтобы набирать килограммы, – как послышался рев машины за окном: приехал Артур, муж Лии. Брюс вскочил и, подбежав к входной двери, завилял коротеньким хвостом.

– Иногда он приезжает после гольфа совсем поздно. Вот как сегодня, – в своей привычной спокойной манере сказала Лия.

Она манерно пригладила волосы назад и поправила кашемировый свитер цвета нюд. Этот цвет очень шел ее фарфоровой коже и глазам арктического голубого оттенка. Лия избегала прямых солнечных лучей, объясняя это появлени-

ем преждевременных морщинок. Ее русые волосы тяжелым каскадом спадали на нежные плечи и отливали золотистыми нотами.

Погрузившись в состоянии хандры, так несвойственной людям в середине лета, Лиза не могла налюбоваться необыкновенной красотой своей сорокадвухлетней подруги: ее точеной ежедневными тренировками и здоровым питанием фигурой; ее статностью и необычайно женственными манерами; ее строгой дисциплинированностью, а временами неимоверно щедрыми подарками себе любимой. Складывалось впечатление, что она узнала какую-то магическую заветную формулу, как быть настоящей женщиной. Стопроцентной женщиной и ни одним процентом меньше. Жизнь Лии была прозрачна и блестяща, как бриллиант, к которому так хочется прикоснуться, любоваться им и обладать. Граненый бриллиант, нашедший свою оправу.

– Добрый вечер, леди. Все в порядке? – пробасил Артур.

Он только что зашел домой, словно прервав сонную идиллию, пропитавшую кухню. Высокий, хорошо сложенный седовласый англичанин с аристократическими чертами лица, Артур не являлся истинным джентльменом во всех его многочисленных проявлениях, но однозначно он был мужчиной, заслуживающим восхищения.

Харизматичный в каждом своем движении, до краев уверенный в себе, местами до высокомерия, в каждом произнесенном им слове, на фоне жены он, казалось, был той самой

ложкой дегтя в бочке меда мануки.

Артур положил на стол кошелек, телефон и обнял жену. Брюс радостно прыгал и царапал его ногу, чтобы он немедленно обратил на него внимание.

– Привет, привет, my friend!

Артур потрепал своего друга.

– Ты голодный? – спросила Лия.

– Нет, благодарю. Я поужинал в гольф-клубе. Сегодня игра была тяжеловата. Спина дает о себе знать.

Личность Артура оставалась для Лизы загадкой, он словно был соткан из противоречий. Такой обворожительный хулиган. С одной стороны, в свои шестьдесят лет он так и норовил «пошалить», – например, уехав со своими друзьями в солнечную Испанию без семьи просто для того, чтобы развлечься, или принимая участие в регатах и выделявая на своей яхте выкрутасы, от которых у зрителей захватывало дух. Скорость была для него привычной стихией, в ней он чувствовал себя, как рыба в воде, и совсем наоборот, когда он лишался возможности лишний раз погонять на своем Харлее или в своем харизматичном Макларене, посоревноваться на светофоре с ретивой Феррари или с сексуальной красоткой Ламборгини. С другой стороны, он чистосердечно любил свою жену и дочь, делая для них все, что было в его силах, заботился о своей старенькой матери, занимался благотворительностью, как мог помогал друзьям и их семьям.

Бывая в гостях у замужних подруг, именно из-за их мужей

Лиза порой чувствовала себя подростком, не всегда желанным в доме и мешающимся под ногами. С Артуром все было иначе, он умел создать атмосферу, в которой она ощущала себя в своей тарелке и при этом взрослой: когда с тобой считаются, тебя спрашивают о личных предпочтениях и всегда рады твоим желаниям.

– Чем занимались сегодня? – спросил Артур, откусывая большое, ароматное британское яблоко салатного цвета.

– Кто чем, – улыбнулась Лия. – Я немного поработала с утра, а потом мы ездили в Виндзор погулять. Погода сегодня была отличная.

– Пожалуй, я пойду спать, – сказал Артур.

Он был как всегда точен и немногословен. Лиза уловила едва заметную грусть, пробежавшую по красивому лицу подруги.

– Мы тоже собираемся ложиться. Завтра нам предстоит поездка в Лондон.

– Филип отвезет вас, во сколько вы хотите поехать?

– Как Сашенька нас разбудит, – ответила Лия.

Допив чай и пожелав всем спокойной ночи, Лиза отправилась в свою спальню на втором этаже. Запах в этой комнате напоминал ей запах деревенского дома, в который, будучи ребенком, она почти каждое лето ездила с родителями: смесь восковых свечей в лампадах, старинных сундуков с пыльными тяжелыми кружевными салфетками и сырость от чернозема, проникающая во все щели.

Кровать с огромным балдахином из тяжелой льняной ткани словно погружала ее в оболочку, уносящую далеко в средневековые времена. Наверное, в другом состоянии она бы почувствовала себя принцессой, как это делает Лия на протяжении вот уже нескольких лет, но вместо этого она чувствовала себя золушкой, которой по счастливой случайности достался кусочек сказки от феи, и завтра, которое так скоро наступит, ей нужно будет возвращаться к немытым горшкам и штопанью платьев от-кутюр.

Огромная гардеробная с легкостью вместила несколько ее скромных вещей, которые не шли ни в какое сравнение с роскошными нарядами Лии. Прямиком из спальни можно было попасть в ванную комнату с хитро встроенной и замаскированной под большое зеркало входной дверью, в которое Лиза старалась заглядывать как можно реже, даже когда одевалась. Видимо, она где-то забыла лучшее одеяние женщины – счастье.

Приняв душ, она почувствовала сильную усталость. Много ходьбы и душевные переживания давали о себе знать. Три месяца назад она окончательно рассталась со своим мужем Алексеем. Хотя ей и казалось, что это произошло только вчера. Немой тишиной и полным отсутствием каких-либо действий он не возвращал ее обратно, и она словно застыла посередине прошлого и будущего, но не в настоящем, а в покрытом переживаниями, страхами и неуверенностью каком-то промежуточном и совершенно особенном времени.

По утрам она встречала день без эмоций, желаний и чувств. Врачи, возможно, назвали бы такое состояние скрытой депрессией и прописали бы таблетки. Но Лиза не верила, что это ей поможет, и сейчас она спасалась мыслями о том, что еще несколько дней она будет вдохновляться Англией, жизнью Лии и Артура, их семейной идиллией, а когда вернется в Россию, то обязательно сделает их успех и своим дорожным знаком. И будет не спеша двигаться по направлению к нему. Сменить обстановку, а в ее случае даже страну, – было идеальным решением на фоне происходящего, ее собственный брак стал чем-то далеким и неправдоподобным, чем-то, что случается с другими людьми, но не с тобой.

Укутавшись в одеяло, она закрыла глаза и погрузилась в сон. Неожиданно проснувшись посередине ночи оттого, что загорелся реагирующий на движение возле дома световой датчик (она забыла перед сном закрыть тяжелые шторы), она подошла к окну и увидела барсука, пробирающегося сквозь кусты в сторону ворот сада.

«Пришел охотиться на бедных утят, – подумала Лиза и вернулась в кровать. – Было бы здорово, если бы они успели забраться куда-нибудь подальше».

Вот так женщины, не доверяя своему внутреннему свету, который то и дело реагирует на опасность, каждый раз становятся жертвами барсуков, приходящих по ночам, чтобы удовлетворить свои природные инстинкты, принимая их за пушистое, пахнущее феромонами счастье.

Глава 2

Лондон показался Лизе холодным и мрачным, несмотря на то, что на дворе стояла середина лета. Муравейник, в который любопытный ребенок непрерывно тыкает палочкой, и его сбитые с толку обитатели бегут в разные стороны. Стекла черного «Range Rover», медленно ползущего сквозь сигналящую на все лады разноцветную дорожную пробку в самом сердце Лондона, покрылись капельками, как будто ему было жарко и тяжело справляться со скворчащим затором. Заморосил дождь.

Машина останавливалась перед бесконечными пешеходными переходами, и толпы туристов, вперемешку с местными жителями в деловых костюмах и до блеска начищенных туфлях, шквалом обрушивались на проезжую часть. Этаким бушующий океан, сносящий все на своем пути, сотканный из сотен разных национальностей, пронизанный десятками разных языков, звучащих то громче, то тише. Лизе было трудно поверить, что так бывает не только в голливудском кино.

Злые соседние машины то и дело норовили вырваться вперед и побыстрее миновать центральные улицы города, пахнущего дождем, «Fish and Chips» и индийскими специями.

Когда они пробрались через пробку и выехали на мостовую, Лиза увидела, как вдалеке показался Биг-Бен, утопаю-

щий в нависающих над ним дождевых облаках. Темза казалась коричневой спящей массой. Она изредка содрогалась от колеблющихся на ее поверхности волн и снова погружалась в спячку.

Шофер Филип вел себя очень тихо, он не обращал внимания на происходящее вокруг и выглядел умиротворенным. Его взбитые, коротковатые руки крепко держали руль. Это было именно то состояние, которого так не хватало Лизе: спокойно жить, не реагируя на временные личные заторы, и твердо держать штурвал своей жизни.

Лия сидела на переднем сиденье и что-то писала в своем телефоне. «Наверное, общается с мужем», – подумала Лиза и мечтательно посмотрела в окошко. Сквозь налипшие на стекло капельки дождя она увидела группу велосипедистов, которые были в настолько обтягивающих костюмах, словно их кожа была разукрашена яркими красками аквагрима.

Сашенька сидела рядом с Лизой в детском кресле и всю боролась со сном. Ей не хотелось ничего пропустить. Она крутила головой по сторонам, заставляя свои непокорные рыжеватые кудряшки то и дело подпрыгивать, махала упитанными ручками вверх и вниз и медитативно гудела «бу-у-у».

Лиза не испытывала материнского инстинкта. Дети редко вызывали в ней чувство умиления или восторга. Иной раз она даже не знала, как реагировать на новорожденных чад своих подруг, и ждала руководства с их стороны.

Сашенька была исключением. Радужная девочка, редко плачущая, она часто хохотала звенящим, как серебряный колокольчик, голосом, жизнерадостно прыгала от удовольствия, плюхаясь на землю пухлым тельцем, и аккуратно тыкала толстым пальчиком в Лизино лицо, пристально, очень серьезно изучая его своими бирюзовыми глазками, как будто на нем можно было отыскать карту сокровищ.

Она любила печенье, называя их «биска» (от английского biscuit, бискит), хотя Лия неохотно угощала ее ими. «Я покупаю детские печенье без сахара и без глютена, – как-то сказала она. – Не лишать же ребенка радостей жизни совсем».

Лиза тоже любила печенье, правда с глютенем и сахаром. Она вспомнила, как в детстве мама щедро намазывала печенье маслом, сверху клала солидный кусок сыра и накрывала этот шедевр еще одним печеньем. И так целую тарелку. Лиза с наслаждением запивала их горячим сладким чаем с лимоном, отчего они таяли во рту богатым вкусом топленого молока. И в тот момент не было предела ее детскому гастрономическому счастью.

«Мы почти приехали», – сказала Лия, безжалостно возвращая Лизу в реальность на двадцать лет вперед. «В Лондоне всегда пробки», – манерно растягивая слова, сказала она, обращаясь ко всем, но в большей степени к Филипу. Лиза сочувственно посмотрела на его безмятежное, но в то же время покрасневшее лицо. В машине не разрешено пользоваться кондиционером. «От него все простуды», – говорила Лия.

На въезде в подземную парковку Лиза медленно проводила взглядом колючие почасовые цены, которые демонстративно проплывали мимо ее удивленного лица. Соседство их парковочного места с кроваво-красной новенькой Феррари ее уже не удивляло: кто еще мог позволить себе пребывание здесь?.. Филип помог женщинам выйти из машины, и они, минуя будку со смотрителем парковки, выбрались на свет.

Это был не просто самый большой торговый центр в Европе, это был один из символов Лондона и образ жизни многих людей, живущих по соседству, и неотъемлемая часть города и его культурного наследия. Без этого универмага, пережившего огромный пожар и повидавшего среди своих посетителей Чарли Чаплина, Зигмунда Фрейда и Александра Милна (купившего там своему сыну, Кристоферу Робину, плюшевого медвежонка, последующая история которого известна каждому из нас), а еще хранящего в себе памятник прекрасной принцессе и ее возлюбленному, – без универмага столица Англии вряд ли была бы прежней.

На одном из главных фасадов «Harrods» увековечен знаменитый слоган этого универмага: *Omnia Omnibus Ubique*, что в переводе с латинского означает: «Всем, каждому и абсолютно все», а над ним возвышается на троне знаменитая мужественная скульптура Британии с трезубцем в руках, принимающая дары и задумчиво смотрящая вдаль.

«Harrods» вызывает в людях разные чувства: восхищение, ненависть, зависть, негодование, счастье; он словно экзаме-

нует их отношение к себе и в особенности к деньгам и показывает, на каком уровне находятся их мечты.

Слоган правдив, но не каждый, в силу собственных ежедневных ограничений, может позволить себе это признать.

Величественный, построенный в эдвардианском стиле, который любой англичанин называет «grand», «Harrods» оказался Лизе близким родственником-аристократом московских ГУМА и ЦУМА с их изумрудными навесными козырьками над окнами первого этажа, ассоциировавшимися у нее с дорогими, первоклассными местами.

Она много раз прогуливалась по этим универсам, но кроме бесплатной оранжевой коробочки «Hermes» с карточками-инструкциями, как завязывать платок, она там так ничего и не приобрела.

Алексей ни разу не приглашал ее туда на шопинг, но в их семейном бюджете эта графа и не была указана, да и, в силу их финансовых возможностей, никогда не обсуждалась. Он не любил покупать одежду и считал это занятие пустой тратой денег, времени и сил, в то время как для Лизы этот процесс был кардинально противоположной значимости: она им по-настоящему наслаждалась и ценила каждую вещь, которая затем оказывалась в ее гардеробе.

Пребывание в подобных магазинах Лиза скорее ассоциировала с походом в музей, нежели с покупками, поэтому она настроила себя на приобретение здесь какого-нибудь недорогого сувенира для своей семьи и финансово посильного для

себя ланча с Лией.

В «Harrods» было полно людей разного социального статуса, и из-за этого его шик и класс слегка затуманивались, несмотря на присутствие на входе легкого дресс-кода. Лизе нравился желтоватый, приглушенный внутри свет, который целиком лишал тебя ощущения времени года и суток. Высокие потолки с огромными люстрами, колонны с подсветкой, аккуратно разложенные сумочки, туфли, запах дорогих сладких духов. Все это завораживало Лизу, ей хотелось быть частью этого образа жизни, несмотря на то, что она любимыми возможными способами пыталась подавить в себе это желание.

Оказавшись в знаменитом египетском холле с массивными колоннами, статуями фараонов, охраняющими расположенных под стеклом роскошные произведения известных модных дизайнеров, исписанными иероглифами стенами и потолком с изображением египетских мифических персонажей, Лиза увидела самый первый в Англии эскалатор, о котором она читала накануне. Людям в тот исторический день наливали виски, после того как те поднимались на нем, – таково было их волнение перед возможностью опробовать столь дивное технологическое изобретение.

В качестве развлечения для Сашеньки и ради нескольких снимков для Лизы они пару раз поднялись на эскалаторе и спустились вниз. Медленно проезжая мимо манекенов, наряженных в великолепные дизайнерские одежды, Лиза пред-

ставляла, как однажды один из них будет гордо одет в платье, созданное ею.

Поднявшись наверх, рядом с залом под названием «Обувной рай» они встретили высокую худую блондинку на высоких каблуках и в летнем разноцветном коротком платье с глубокими вырезами сзади и спереди. Легкий загар цвета молочного шоколада ровным слоем лежал на ее тонкой коже. Ее лицо показалось Лизе натянутым и неестественным, так же как и ее отшлифованные ровные белые зубы, что представляло невозможным даже примерно определить ее возраст. С одинаковым успехом ей могло быть как двадцать пять, так и пятьдесят лет. Она раскрыла свои объятия и манерно поцеловала Лию в обе щеки.

– Сколько лет, сколько зим, – воскликнула она. – Лия, куколка моя, ты шикарно выглядишь! Ой, а это что за маленькая принцесса?

Она присела, чтобы поздороваться с Сашенькой.

– То же самое можно сказать и о тебе, – улыбнулась в ответ Лия. – Это моя дочь Александра, а это моя подруга Лиза. Лиза, это Настя. Много лет назад мы работали в одном модельном агентстве в Париже.

– Как приятно познакомиться с вами, девочки, – протяжным, приторным голосом сказала Настя. – Я перебралась в Лондон. Живу недалеко отсюда, в Челси. А ты?

– А я в Суррей, – сказала Лия.

– Не знаю, где это. Не успела хорошенько изучить Лондон,

да и чаще всего я провожу время в Монако, там у нас тоже есть квартира. Мне здешний климат, знаешь ли, не очень подходит.

– Я не живу в Лондоне, – сказала Лия, на что Настя отреагировала с поджатыми губами сочувственным «у-у-у» и кивнула головой.

На фоне Насти Лия казалась приземленной, осмысленной и «down to earth». Обе жили в роскоши, но это была роскошь разного качества.

– Приходите как-нибудь ко мне в гости, – предложила Настя.

– Обязательно, – ответила Лия тоном, который говорил о том, что это вряд ли может когда-нибудь произойти. Но все же обменялась контактами с Настей. – Очень была рада повидаться. Удачного тебе шопинга.

– Спасибо, дорогая, и вам! Я уже, можно сказать, закончила. Хочу спуститься вниз и купить домой еды. Здесь продаются наши любимые круассаны.

После того, как Настя ушла, Лиза подумала о том, как далеко она находилась от мира этой дорого пахнущей, худой блондинки, от жизненной матрицы, которую эта русская девушка сумела выстроить вокруг себя. Эта встреча вызвала в Лизе скованность от собственной неуверенности; с одной стороны, ей хотелось бы так же легко рассуждать о покупке еды на дом в этом роскошном универмаге и жить с ним по соседству, а с другой, это казалось красивой и недостижимой

сказкой, которую печатали так часто, например, на страницах «Tatler».

– Давай заглянем в «Valentino», – сказала Лия. – Сашенька хочет сделать тебе подарок, да, малыш? – Она присела на корточки и нежно поцеловала дочку. – Ты не устала, тыквочка?

Сашенька в ответ сделала недоуменный вид, как будто Лия обращалась совершенно не к ней, и кокетливо покрутила пухленьким тельцем.

– Пойдем найдем для Лизы самые красивые босоножки? – сказала Лия.

– Лия, что ты. Я не могу позволить себе «Valentino», – возразила Лиза.

– Не переживай, это подарок от Сашеньки. Ей будет приятно.

Через пару часов Лиза оказалась на террасе уютного кафе, расположенного на верхнем этаже «Harrods». Оно было украшено многочисленными зелеными растениями, что в контрасте с коричневым интерьером и светящимися желтым цветом люстрами придавало заведению выдержанный стиль и изысканность.

Лия кормила Сашеньку рыбным супом, пока та рассматривала новую игрушку, только что купленную ей мамой.

– Филип приедет за нами через полчаса, – сказала Лия. – Пока Саша будет спать в машине, мы сделаем с тобой покупки для ужина, если ты не устала.

– Я в порядке, – ответила Лиза, – и с удовольствием помогу тебе с шопингом. Как же мне нравится «Harrods»! И я до сих пор не могу поверить, что ты купила мне босоножки.

– К ним еще нужно купить платье. Но это уже в другой раз. Мы приглашены на свадьбу в конце месяца, ты как раз еще будешь здесь, и у тебя будет отличный повод выгулять свои босоножки и побывать на традиционной английской свадьбе.

– Здорово! – воскликнула Лиза.

Ее настроение улучшалось с каждой минутой. Она посмотрела на Лию, нежно поглаживающую дочь по мягким волосам, и испытала к подруге невероятную любовь, которую по насыщенности можно было сравнить с цветом коробки «Valentino», лежащей на соседнем стуле.

Лиза посмотрела вдаль. Она не знала, что через несколько часов здание «Harrods» загорится двенадцатью тысячами лампочек, исправность которых каждый день проверяют: ни одного черного пробела – только свет.

Между тем, уходящий на восток горизонт раскрасился в персиковые тона и лениво растянулся по небу серыми сумерками, подготавливая все живое ко сну: щебетание птиц становилось урывчатым, успокаивался ветер, стихал гул машин. Приятно вечерами погрузиться в прохладу и свежесть английской деревни после насыщенного дня, жаркого от июльского, беспощадно палящего солнца и словно замирающего перед дождем...

Две красивые русские женщины расположились на веранде, утопающей в зелени по всем канонам английского сада. Лия зажгла несколько свечей, и они распространяли нежный, едва уловимый запах миндаля и овсянки. Она сидела, поджав ноги в плетеном кресле цвета капучино и закутавшись в плед.

Сделав глоток терпкого красного вина, оставляющего приятную кислинку на языке, Лиза посмотрела на сад, который постепенно погружался в сумрак, отчего зеленые краски медленно теряли свою яркость. Брюс лежал рядом на плоской подушке, и она поглаживала его по голове, погружая пальцы в бархатные абрикосовые кудряшки.

– Помнишь, как вы в первый раз вместе с Кристиной приехали ко мне в гости? Я тогда еще снимала квартиру в Лондоне, – прервала тишину Лия. – Я скучаю по тем временам. Полная безмятежность и отсутствие здравого смысла, – невесело засмеялась она.

Лиза улыбнулась. Англичане говорят, что русских трудно заставить улыбаться. Но они просто не знают, что русские опасаются это делать, а еще смеяться и радоваться жизни, потому что с детства знают, что после этого обязательно будут плакать. И потому гораздо надежнее быть серьезным.

– С тех пор много воды утекло, – продолжала Лия. – А

ведь сбежала я в Англию от очередной несчастной любви и своего прошлого, а Крис всех сделала красивыми в Москве. Я скучаю по ней. Какая же она молодец! Кстати, красивыми она сделала всех, кроме меня!

И она засмеялась фарфоровым голосом, а в ее больших глазах появилась яркая озорная искорка.

– Это точно, – вздохнула Лиза. – Больше десяти лет пролетели, как один день. И ты так мало приезжаешь в Россию... Но куда еще красивее, Лия? Ты шутишь!

Они замолчали. Так всегда бывает, когда не видишь человека много лет, а потом вы встречаетесь и остаетесь один на один в немилосердной тишине. Лиза немного стеснялась Лии. Ей казалось, что на фоне этой безупречной женщины ее слова могут выглядеть неуклюже. Они так много и так мало знали друг о друге, что невооруженным глазом можно было увидеть неловкое притирание и заминки в разговорах, но почувствовать при этом обволакивающую дружескую теплоту между ними. Они словно бы прощупывали личные границы друг друга и боялись их переступить, сказав лишнее.

– А ведь я тоже в этот раз сбежала в Англию от несчастной любви, – сказала Лиза.

По всей видимости, Англия служила приютом для всех людей, по разным причинам сбежавшим с родины: манящая сложно-сотканная паутина, единожды попав в которую и прилипнув к ее клейким нитям, уже невозможно выбраться назад. Каждый прожитый день в ней – приторная утопия,

в которой ты вязнешь, как пчела в меде, постепенно забывая, откуда ты прилетел и зачем тебе надо обратно. Да этого «обратно» больше и не существовало, оно постепенно стиралось отдельными папками с файлами, содержащими негативную и ненужную информацию.

Застрять посредине между тем, «где уже не можешь», и тем, «где еще не можешь», по всей видимости, было под силу только самым стойким.

– Значит, здесь ты обретишь новую любовь, – ответила Лия.

Подул слабый ветер, заставив свечи потрескивать от волнения.

– Здесь невозможно не влюбиться, – продолжала она, улыбнувшись уголками рта. – Причем самым волшебным образом. Это страна чудес.

Лиза верила в то, что не стоит отделять слова, которые ты говоришь, от жизни, которую живешь. Она всматривалась в жизнь своей подруги и верила ее словам.

– А еще в Англии невозможно не найти себя. Здесь как будто расправляются крылья, которые у тебя были, но ты не знала об их существовании и как ими пользоваться. Хотя люди здесь любят уединенность, и была бы у них возможность, каждый создал бы себе необитаемый остров и жил на нем, пребывая в абсолютном счастье. Все готовы тебе помочь. Не важно как. Может, дверь открытой для тебя подержать или помочь справиться с депрессией. Сначала принятие англий-

ской реальности кажется мучительным и болезненным, потому что ты привыкла постоянно обороняться и ждать отовсюду подвоха, но постепенно расслабляешься, причем естественным образом, не прикладывая к этому практически никаких усилий. Простоходишь в окружающие тебя пазлы и становишься неотъемлемым кусочком целой картины.

Англия это шанс остаться с собою наедине, погрузиться в свое «я», познакомиться с ним, узнать свои страхи и сомнения, подружиться с ними, чтобы потом выйти наружу уже совершенно новым человеком.

– У тебя так было? – спросила Лиза, жадно впитывая каждое слово.

Лия говорила медленно, нараспев, местами с ненавязчивой английской интонацией, ставя ударение на существительных и некоторых прилагательных, особенно в конце предложения. Лизе нравился этот «спецэффект» как особый флер, которым обладала не только сама Лия, но и каждое слово, произнесенное ею.

– Да, я до Англии не знала, кто я такая. Но мне повезло. Для меня переезд сюда не был большим шагом, потому что я была молода и любое жизненное испытание рассматривала как приключение, да и терять мне было нечего. С годами адаптироваться становится сложнее, я говорю это исходя из опыта моих русских приятельниц.

Экран телефона Лии периодически загорался, но она не обращала на это внимания. Брюс несколько раз лениво бурк-

нул, откликаясь на едва уловимый лай, доносящийся изда-
лека, и снова погрузился в дремоту.

– Пойдем спать, – сказала Лия. – Не хочу надолго остав-
лять Артура, он плохо переносит одиночество.

Глава 3

В спальне было прохладно, и от ветра слегка колыхались тяжелые шторы. Мягкий свет ночника рассеивался по комнате и совсем исчезал рядом с дверью на террасу.

Артур уснул, рядом с ним на прикроватной тумбочке лежали книга и очки, он любил читать, но чаще всего недолго, потому что это занятие делало его глаза тяжелыми, голову расслабленной, и он мягко погружался в сон. Его любимыми книгами были биографии, он иногда рассказывал Лие особенно запомнившиеся и впечатлившие его места, а ей нравилось слушать эти истории и смотреть на его увлеченное лицо.

Артура нельзя было назвать романтиком, он не любил вычурные слова и неправдоподобность слезливых фильмов, ему нравились четкие линии описания чьей-то реальной жизни, надежные факты событий. Он любил после прочтения поразмышлять над тем, что это был за человек, почему судьба сложилась у него именно таким образом и какие на его взгляд обстоятельства могли повлиять на это.

Он вглядывался в старые фотографии, как будто хотел понять, что именно за ними стояло, что скрывалось за запечатленными на века моментами. Бывало, что он не мог с ними сопоставить прочитанную историю, и его это озадачивало, он пробовал понять, почему так вышло, что он себе че-

го-то вообразил. Иногда он чувствовал неприятный осадок, который долгое время не давал ему приступить к следующей книге, а иногда подъем сил и вдохновение, он пересматривал свою жизнь, и ему становились очевидны собственные промахи и пробелы, становящиеся позднее его объектами для совершенствования.

Потушив ночник, Лия легла рядом с мужем, и ей нестерпимо захотелось его обнять. Словно почувствовав ее желание, он повернулся к ней и положил на нее тяжелую руку. Она прижалась к нему, ей стало тепло и надежно, будто она очутилась в уютной пещере у самого подножья огромной горы, ограждающей ее от всех ненастий, которые происходят где-то вокруг. Она поцеловала мужа, и ее окутал родной и приятный запах, напоминающий засахаренные апельсины.

Она закрыла глаза, воспоминания потянулись медленной вереницей, погружая ее все глубже и глубже в прошлое. Разговор с Лизой заставил ее вернуться туда, куда она редко возвращалась, не желая напрасно беречь в душе свои зарубцевавшиеся раны.

Однажды, приехав в Россию, Лия навестила подругу, с которой она когда-то снимала квартиру и которая собрала в коробку вещи, забытые Лией и терпеливо ожидавшие встречи с заграничной хозяйкой.

Среди нескольких книг по психологии и кулинарии, джинсовой короткой юбки, пары заношенных футболок и старой косметики Лия увидела свою единственную сохра-

нившуюся из детства фотографию, где ей было около двенадцати лет. На выцветшей от времени матовой картинке стояла девочка со светло-русыми волосами, чистым, грустным, но светящимся надеждой лицом; она позировала напротив камина в фотостудии, которые были модны в семидесятых. Воспоминания детства стали накрывать Лию неприятными волнами. Ей не хотелось вспоминать о тех событиях, а тем более снова их переживать.

Когда Лие было семь лет, мать, недовольная непослушанием дочери и пребывая в неистовой ярости, разорвала ее любимую книгу и со всей силой швырнула остатки ей в лицо. Было больно, особенно носу, и Лия оцепенела от страха и ужаса происходящего. Впервые девочка почувствовала, что больно не телу, а чему-то еще, внутри, к чему она не знала доступа и что никогда не заживало. Книга была ее самой любимой и исчитанной до милых сердцу затертостей. Лия расплакалась. От обиды и унижения. Эти чувства с тех пор пропитывали ее жизнь.

Однажды разъяренная и подпившая мать, после ссоры с очередным любовником, счет которым Лия давно потеряла, схватила дочь за шкуру и стала трясти, выясняя, почему она такая недотепа и неряха, что, видимо, она такая в отца уродилась, что у нее не складывается личная жизнь именно из-за Лии и что она с удовольствием бы сдала ее в детдом. Она схватила дочь за волосы и потащила в комнату, чтобы закрыть ее там и больше не видеть.

Лия рыдала, содрогаясь худеньким тельцем, но не пыталась сопротивляться, потому что знала, насколько это бесполезно. Пока мать не выместит на ней все, что ей хотелось выместить, она все равно не отпустит ее.

Все свое детство она слышала от матери, что она вылитый отец-ублюдок, что все мужчины – сволочи, она видела, как мама плакала, как лежала из-за них в депрессии, и им было нечего есть. Мама Лии была очень красивой женщиной. Высокая, стройная, с правильными чертами лица и пухлыми губами, выющимися густыми, русыми волосами до поясицы. Она всегда выглядела младше своего возраста, но из-за того, что она любила выпить, ее лицу не хватало свежести, а всему ее образу элементарной ухоженности. Ее внешний вид никоим образом не сочетался с ее внутренним миром, в котором творился полный хаос. Она знала, что привлекательна, но никогда этого не ценила, отдавая всю свою красоту на растерзание алкоголю, депрессии и непутевых любовников.

В восемь лет у Лии появилась сестра Марина, от мужчины, с которым ее мама встречалась несколько месяцев, но так и не смогла ужиться. Он бросил ее, когда узнал, что она забеременела. Это усугубило в Лие ненависть к мужчинам. Она точно знала, что они пользовались ее мамой и, соответственно, в принципе всеми женщинами. Она не знала, кто был ее отцом, и не хотела этого знать. Какая разница, если он такой же, как и все остальные «сволочи», бросившие ее мать, а, скорее всего, еще и хуже. Мама впала в депрессию

и стала чаще выпивать. Лие пришлось очень рано повзрослеть, взять на себя ответственность за происходящее в доме и ухаживать за маленькой сестрой. Она жалела мать, но ничего не могла поделать. Она больше не плакала, даже когда получала болезненные подзатыльники или была названа отворачивательными словами.

Пока Лия училась в начальной школе, она то и дело получала трепку от матери из-за оценок, коряво выведенных крючков в прописях, безвкусно и неумело сделанных школьных поделок.

Когда для Лии наступили подростковые времена формироваться как девушке и у нее появился первый ухажер, мать обзывала ее шалавой и кричала на весь дом, что ничего путного из нее не вырастет и что зачем она вообще родила такую неблагодарную, никчемную дочь. Содрогаясь от очередного унижения и нестерпимой боли, Лия мечтала лишь об одном: чтобы мама пожалела ее, поцеловала и приласкала. Этого не произошло ни разу.

За все свое детство Лия не услышала ни одного ласкового слова от взрослых, из того времени она вынесла только оскорбления, крики и побои. Один из приятелей матери смеялся над ней и обзывал носастой, толстушкой, конопатой, а мама смеялась и с удовольствием поддакивала. Несколько других ухажеров пытались пристать к Лие. Она боялась их, как огня, но пожаловаться маме не могла, зная, что поле этого наверняка отправится в детский дом. Родственников у

них было мало, и они практически не общались.

Однажды заснеженной зимой к ним приехала мамина сестра Кира, которая вышла замуж за морского офицера и жила в Севастополе. У них не было детей. От нее исходило тепло, веяло морем, криками чаек и мороженым. Лия любила ее и захотела побывать у них в гостях. Речи об этом, конечно, не шло, так как денег на путешествие не было. Денег не было вообще ни на что. Лия донашивала старые, прохудившиеся мамины сапоги, в которых у нее то и дело промокали и замерзали ноги. Тетя Кира купила ей новые сапоги на меху и модный теплый пуховик. Лия до сих пор помнила те радостные, теплые чувства, которые она испытала в ответ на щедрые подарки.

Тетя Кира увезла двухлетнюю сестру Лии, и больше они не виделись, только иногда созванивались. Лия старалась подавить в себе волнообразно возникающее чувство зависти к сестре. Даже будучи ребенком, она понимала, что это неправильно, и пусть хотя бы Марине повезет больше, пусть хотя бы она станет *нормальным* человеком.

Несмотря ни на что, Лия любила свою мать и не переставала мечтать о ее ответной любви. Она боялась ее, и это было таким естественным с самого детства чувством, что расскажи она причины своего страха окружающим, они к этому отнеслись бы с сочувствием и пониманием. Но рассказала она об этом только много лет спустя психологу, на что тот сказал, что она одно лицо со своей матерью, что мать видела

себя в ней и поэтому, отрицая этот факт, вымещала всю свою злость и обиду на своей дочери. По прошествии многих лет она поняла, что от этого нельзя оправиться, восстановиться или вылечиться у психолога, можно было только поменять отношение и жить дальше.

Переехав из родного Подмосковья в Москву, Лия очень много работала, соглашаясь на все, что ей подворачивалось: официанткой, моделью для примерок, продавщицей в универмаге. Скопив нужную сумму, она пошла к пластическому хирургу Кристине Смолонской, сестре Лизе. Показав фотографию женщины (Кристина по сходству сразу поняла, кто это), она попросила ее сделать так, чтобы впредь она не была похожа на свою мать ни одним миллиметром лица. Произнося это нежным детским голосом, Лия выглядела бесстрашно и очень уверенно. Кристина поняла, что отговорить такую клиентку будет вряд ли возможным. Она задумалась на минутку, пристально рассматривая красивую девушку, и сказала, что не станет этого делать и что ей придется найти другого хирурга. Это был беспрецедентный случай в практике Кристины, когда она сказала свое бесповоротное «нет». Лия очень удивилась отказом специалиста, встречи с которым она ждала столько времени, но решила не сдаваться.

Она пришла к Кристине еще раз, пыталась предлагать больше денег и объяснить, насколько это важно для нее, но получив прежний отрицательный ответ, будучи суеверным и впечатлительным человеком, Лия подумала, что в этом есть

знак свыше, и решила отложить операцию, чтобы понять, в чем именно он заключался. С тех пор она целиком сосредоточилась на карьере.

Лия зарегистрировалась в одном из крупных международных модельных агентств. Спустя пару лет работы в нем она согласилась уехать на работу моделью в Париже, собрала чемодан и, попрощавшись с Яной, своей подружкой и компаньонкой по съему московской квартиры, отправилась во Францию, где провела несколько лет, редко возвращаясь в Москву.

Она долго не встречалась с матерью, не знала, что с ней стало, как она живет. Их связь оборвалась, оставив темный, тошнотворный осадок. Лия не хотела ее знать. Сестра Марина превратилась в невысокую, плотную женщину с круглым лицом и выдающимся подбородком с ямочкой. У нее были светлые короткие волосы и глубокие голубые глаза, которые обе сестры унаследовали от своей красавицы матери.

Марина была немногословной и работающей. Она приезжала в Англию к Лие пару раз, но они никогда не касались темы родителей. У них сложились теплые отношения. У Марины было двое детей, она была замужем за моряком и работала в Ялте шефом-кондитером одного из самых престижных ресторанов, а мамой называла тетю Киру.

Когда она гостила у Льюисов, их дом превращался в один большой праздничный торт, пахнущий ванилью, фруктами и шоколадом. Сестры то и дело хлопотали на кухне: пекли,

варили, кулинарили.

К тому времени, когда Лие исполнилось тридцать пять, она стала профессиональной международной моделью, украшающей своим красивым лицом и отточенной фигурой не одно глянцевое издание. Она иногда снималась в нижнем белье, но никогда обнаженной, потому что стыдилась своих рубцов, которые хоть и давно сошли с ее тела, но не давали покоя ее душе.

Сама того до конца не осознавая, она ненавидела мужчин, презирала их и не доверяла, какими бы положительными героями они ни являлись. Она считала своих ухажеров бабниками, лгунами и просто ненадежными людьми, никогда при этом не анализируя, почему она так думала, и не выказывая своих мыслей ни единым жестом. Со стороны, пожалуй, она казалась даже не высокомерной, а просто холодной и беспристрастной женщиной, которую интересовали только она сама, да русские, брошенные родственниками в детдом дети, которым она помогала, организовывая благотворительные вечера в Лондоне.

Она не думала о мужчинах, искусно отгораживаясь от всех потенциальных отношений, которые бы длились дольше, чем несколько дней. В ее мечтах было одно: суметь обеспечить себя и максимально самостоятельно обслуживать свои дорогостоящие запросы. Она работала на износ, нарочно оставляя свободное время лишь на массаж, йогу и шоппинг, чтобы ни один мужчина не мог целиком захватить ее

внимание и умолял бы уделить ему хотя бы минуту ее драгоценного времени.

Ей не удавалось найти мужчину, который был бы полной противоположностью любовников ее матери, и всякий раз она ухитрялась найти хотя бы одно качество, которое бы незамедлительно отвращало ее от потенциального жениха и заставляло бежать прочь, оставляя его в полном недоумении и не оставляя ему ни малейшего шанса на исправление ситуации.

Она не понимала, что убегала на самом деле не от них, а от своей главной проблемы, которую она не осознавала на протяжении многих лет, и в свои тридцать пять лет она не могла назвать ни одного мужского имени, которое хоть что-то бы значило для нее, пока она не встретила Артура.

После того, как Лия уехала работать во Францию, ей не давал покоя тот факт, что Кристина Смолонская отказала ей в пластической операции. Ей понравилась эта невысокая, энергичная девушка с густым черным каре до узких маленьких плеч и карими глазами. В ней была та фундаментальная сила и основательность, которой так не хватало самой Лие.

Однажды, серым мартовским вечером приехав в Москву, Лия решила пригласить Кристину на чашку чая в свою любимую кофейню, расположенную в самом центре столицы, чтобы сказать спасибо и выразить восхищение ее профессионализмом. На этот раз Кристина сказала «да», и девушки, скоротав одинокий дождливый вечер за кофе с корицей,

фруктовым десертом и теплыми задушевными разговорами, остались близкими подругами на долгие годы.

Кристина ездила в гости к Лие, но на все уговоры переехать в Англию окончательно, что жизнь в ней хороша и что ей найдут достойного богатого мужа, Кристина не поддавалась. У нее в жизни был только один «мужчина», за которого она давным-давно вышла замуж и не изменяла ему ни при каких обстоятельствах: ее работа. Ее не привлекало и не вызывало страсти ничто, кроме любимого дела. Она жила ради этого, а все остальное было для нее побочным эффектом жизни всякого человека.

Глава 4

Лизе нравилось начинать свой день прогулкой с Брюсом. У нее никогда не было собаки. Она помнила, как в детстве, в очередной раз просматривая мультфильм «Варежка», она вопросительно озиралась на свои варежки, ожидая от них чудесного превращения в лающий и виляющий хвостом пушистый комочек. Но этого так и не произошло. Родители не любили домашних животных и считали это огромной ответственностью, которая легла бы на плечи именно им, а не детям. Лизе пришлось смириться и оставить эту мысль до времен, пока не появится возможность организовывать жизнь, как ей хочется.

Странно, что только сейчас она задумалась о том, что как тогда еще учиться брать на себя ответственность и справляться с нею, если всегда ее избегать? Именно поэтому она так и не смогла овладеть этим навыком и, возможно, не овладеет им уже никогда. В ней где-то глубоко была прошита «безответственная» программа и, чтобы перешить ее, требовалось немало – осознать ее наличие, найти и переписать. Найти на это время в своей суматошной, извивающейся непредсказуемым серпантинном жизни ей не представлялось возможным.

Лиза с Брюсом медленно подошли к озеру, когда на небе показалась стая канадских гусей. Раздались гнусавые зву-

ки, как будто кто-то нажимал на клаксоны, и гуси вразнобой, громко гоготали от удовольствия, превращая свою перекличку в какофонию. Лихо размахивая мощными, огромными крыльями, гуси пролетели над ее головой и, тормозя изо всех сил по воде грузными телами, тяжело приземлились на гладкую серую поверхность озера. Постепенно утомившись, они по очереди издавали редкие тревожные крики. Брюс подбежал к краю воды, но не стал заходить. Утро было прохладным. Он вопросительно обернулся на Лизу, пытаясь понять, в какую сторону двигаться дальше.

И как только Лиза задумалась о том, куда дальше идти, она увидела, что на нее с Брюсом на огромной скорости надвигается черное пятно. Не успела она сообразить, что делать, как это черное пятно ударило ее в грудь своими массивными, грязными лапами, отчего она пошатнулась и присела на землю, в илистую жижу, разбуженную ночным ливнем, которую она так осторожно переступила пару минут назад.

Всегда приветливый, Брюс примчался к ней на помощь и сперва попытался огрызаться и щетинился изо всех своих маленьких сил, обороняя ее от огромного черного лабрадора, а спустя минуту ему передалось игривое настроение противника, и он, позабыв о своей русской компаньонке, стал призывно тявкать.

Юбка Лизы из «серого солнышка» мигом превратилась в пятнистую висящую паклю. И только она собралась захныкать от досады, как на горизонте появилась фигура мужчи-

ны. Он подбежал к ней, и из-за того, что солнце всюду светило за его спиной, она не могла разглядеть его лица, он был похож на ангела с черными кучерявыми волосами. Он сказал:

– Привет, Брюс! – и протянул Лизе руку: – Вы в порядке?

Лиза кивнула, а он с силой, но аккуратно помог ей подняться, скомандовал своей собаке сидеть и надел на нее поводок. Брюс дружелюбно вилял хвостом и озорно подпрыгивал, показывая лабрадору, что он настроен играть. Как только Лиза отряхнулась и посмотрела мужчине в лицо, к которому вернулись очертания яркого, солнечного дня, теплая волна симпатии тяжелым потоком накрыла ее тело. Это было самое красивое лицо, которое она видела в жизни. Она никогда до этого не встречала таких больших глаз цвета лазури, обрамленных темными густыми ресницами и пронизывающих ее насквозь. Глаз, в которых искрилась доброта и одновременно открывалась безмерная серьезность и глубина. Ей показалось, что именно такие глаза способны гореть долго, если однажды зажгутся. Ее очаровали мужественный подбородок, светлая, аристократическая кожа, присущая английским джентльменам, небольшая небритость, но не небрежная, а наоборот, аккуратная и намеренная.

Высокий и статный, широкий в плечах, он крепко стоял на земле и наверняка в повседневной жизни. Его манера держаться выдавала в нем джентльмена, элегантного, грациозного, сильного.

Лиза стояла неподвижно, словно это ей было приказано не двигаться. И ей захотелось повиноваться. Ей захотелось, чтобы он на *нее* надел поводок и больше никогда не отпускал с него, чтобы она могла следовать за ним, куда бы он ни направился, есть из его больших рук и подставлять свой живот, чтобы он его гладил.

Она почувствовала, как ее ледяные резиновые сапоги изнутри прикасаются к коже, отчего все ее тело, начиная с ног, покрылось мурашками. Он смотрел на Лизу взволнованно, но вместе с тем уверенно, как завоеватель-конкистадор. Они были словно воплощением силы и слабости, столкнувшись среди английской повседневности. Он принялся извиняться, объясняя, что, несмотря на большие размеры, его собака все еще щенок, очень игривый и непослушный.

– Не волнуйтесь, – ответила Лиза, еще смущаясь, но уже приветливо улыбаясь. – Я в полном порядке.

По отчетливому русскому акценту с грацирующим «р» англичанин понял, что она не местная. Он заулыбался белоснежной, слегка претенциозной английской улыбкой, и на его небритых щеках образовались очаровательные ямочки.

Все нынешнее утро, начиная с половины шестого, он провел сидя за компьютером, проверяя успехи своих конкурентов по бизнесу. Он был обеспокоен ведением дел его отцом и чувствовал, что важные контракты уходят у них из-под носа. Гуляя с собакой и глубоко погружившись в расчеты и схемы, он и не предполагал, что подобная встреча может столь мол-

ниеносно перенести его из одной реальности в другую.

Он смотрел на хрупкую девушку, тщетно пытающуюся отряхнуть свою короткую юбку от грязи, на ее длинные, густые каштановые волосы, отливающие медью, и худые, идеальной формы ноги, забавно вырастающие из широких резиновых сапог.

Она посмотрела на него, и в ее зелено-карих глазах он увидел какую-то чистоту, что-то по-детски невинное и в то же время не случайное, а по-взрослому осознанное. На ней была широкая, не по размеру ее худого тела ветровка, которая делала ее еще милее, и он подумал, что готов сделать все возможное и даже невозможное, чтобы заставить ее улыбаться.

– Я Тео.

– Лиза. Ой, Элизабет, – неожиданно по-русски ответила Лиза и слегка присела в реверансе.

Она заметила, что он с любопытством наблюдает за ее движениями, и ей захотелось понравиться ему, даже если при этом придется вести себя немного неестественно и театрально.

Тео снова извинился, спросил, все ли в порядке и не нужна ли помощь. Лиза уверила его, что с ней все хорошо и даже погладила его черного прыгающего монстра, который, сидя на коротком поводке, пытался приподняться на задние лапы и снова прыгнуть на нее. Брюс на него тявкал и делал вид, что он тут главный, страдая «little man syndrome» (англ. синдром маленького человека).

Попрощавшись с Тео, Лиза развернулась и быстрым шагом отправилась домой. Брюс бежал за ней, довольный и, казалось, уже забывший, что приключилось с его русской подругой пять минут назад.

Несмотря на испачканную одежду, Лиза подумала о том, как все-таки хорошо быть русской женщиной, всегда встречающей любые неприятности при полном параде и макияже. Не зря этим утром она полчаса прихорашивалась в ванной. Ей хотелось обернуться на своего нового знакомого, но она не осмелилась этого сделать. Наоборот, еще больше ускорив шаг, она хлюпала по лужам резиновыми сапогами, удаляясь от места, где несколько минут назад испытала новое, приятное чувство. Как будто она сыграла главную роль в мелодраме, в сцене, где героиня встречает любовь своей жизни. Лиза знала, что ей понравился этот темноволосый, голубоглазый англичанин, потому что, уже дойдя до своего дома, она не могла убрать с лица дурашливой улыбки и заставить ноги не дрожать от волнения.

Глава 5

Бывает, что люди, начав заниматься йогой, могут сразу, на первом же занятии принять стойку на голове; а есть и такие, которые занимаются много лет, но так и не встают на голову и даже не приближаются к этому моменту. И если Лия относилась к первой категории людей, то Лиза ко второй.

Зайдя домой, Лиза застала хозяйку дома именно в этой позе: стоящей на голове возле стены. Брюс подбежал к ней и хотел лизнуть, отчего Лия рассмеялась и резко вернулась на землю.

– Ах ты маленький разбойник, – улыбаясь, сказала она, потрепав Брюса за ухом. – Нагулялись, малыши?

Слово «малыши» из ее уст звучало так же естественно и красиво, как и ее идеальная ежедневная «ширшасана». И тут же, уловив флюиды, которые Лиза вовсю распространяла, спросила:

– Все в порядке, Лиза? Ты какая-то... странная. И запачканная. Что случилось?

– Все прекрасно, – ответила Лиза, – просто мы встретили мужчину с лабрадором. Он на меня напрыгнул, и я села в лужу.

Судя по расхохотавшейся Лие, она выглядела в этот момент нелепо, хоть и старалась изо всех сил показать, что ничего особенного в действительности не произошло.

– Кто прыгнул на тебя? Мужчина или лабрадор?

Теперь рассмеялась Лиза.

– Лабрадор, конечно.

Вечер, незаметно подкрадываясь к графству Сарри, одел облака в серо-розовые тона. Солнце еще ненадолго задержалось, озаряя края горизонта сияющими золотыми лучами. Так в детстве можно было любоваться блестящими фантиками от конфет.

После прогулки в садах Уисли Лизе внезапно захотелось рисовать, чтобы запечатлеть все те краски, которыми изобиловали цветы и деревья в этой элегантной стране. Ей было интересно, хватило бы всей палитры или пришлось бы изобретать новые оттенки, чтобы хоть немного приблизиться к реальности, открывшейся ей сегодня. Ей показалось, что она долго спала, а сегодня она проснулась, и единственным ее желанием сразу после пробуждения являлось то, что было естественным для нее и что она могла делать лучше всего остального – рисовать.

Романтическое настроение Лизы, безусловно, было вызвано утренним происшествием. Новый знакомый не выходил у нее из головы. Она сначала подумала, что это происходило потому, что там было слишком много пустого места и ей было необходимо заполнить его чем-то другим, но через некоторое время она разрешила себе приятные воспоминания о мужчине, который пахнул ветивером вперемешку с восточными специями.

Лия разлила по чашкам ромашковый чай. Укутавшись в кардиган цвета осеннего японского клена, она смотрелась очень уютно на фоне богатой оттенками зелени сада.

– Кто придумал имя для Брюса? – спросила Лиза.

– Мама Артура. Она увидела его и сказала: «О, это же маленький Брюс», – и мы не стали разубеждать ее. Как выяснилось позже, это были дорогие воспоминания ее детства. В ее семье тоже была собака, но имени ее вряд ли кто-нибудь, кроме моей свекрови, смог бы припомнить, так давно это было, ведь ей девяносто лет, да и уверенности в том, что это был именно Брюс, не было никакой. Как бы то ни было, мы решили назвать его Брюсом, чтобы порадовать ее.

Лиза и не могла представить себе иного имени. Хотя Лия не соотносилась у нее с именем Брюс, ведь оно казалось ей слишком нестильным, старомодным для такой хозяйки, да и вовсе не собачьим. Артур же производил впечатление человека далекого от подобных вещей и не предназначенным для того, чтобы его можно было заставить придумывать собачьи имена.

Брюс лежал на полу, растянувшись лапами в разные стороны, и держал во рту мягкую игрушку. Это был его ритуал: сначала сытно поесть, причмокивая от удовольствия, а потом обниматься с плюшевым гамбургером. По всей видимости, только Брюсу в этом доме разрешалась junk food.

Артур иногда жаловался, что его жена не ест «нормально». Но Лиза видела, что на самом деле ему это нравится.

Полушутя он прилюдно говорил: «Представляете, когда мы познакомились, я предложил ей ужин, а она отказалась и вместо этого съела пучок петрушки! Это же уму непостижимо», – с удовольствием негодовал он, довольно посматривая на свою тоненькую жену, хлопчущую на кухне. «Как можно так питаться, не понимаю. Все время предлагаю ей приличную еду, а она изучает рецепты хлеба из чечевицы и покупает зелень и фрукты. Где жиры и углеводы в этом доме? Ах да, забываю, что иногда она все же ест рыбу и птицу. И почему это так незаметно происходит?»

В Англии иметь в возрасте Артура жену, как Лия, называется «иметь жену-трофей». Хотя подобный брак в любом возрасте и статусе мужчины из любой страны это огромная победа и признак того, что мужчина чемпион, что он не только добрался до финала, но и дерзко выиграл его.

Сначала это игра, он добивается расположения столь прекрасной женщины, а затем он настолько вживается в свой собственный проект по завоеванию ее, что не может себе представить, как можно жить иначе и что жена может как-то иначе вести себя и иначе выглядеть.

Он сочувствовал своим приятелям, которые относились к подобному достижению более чем равнодушно, и недоумевал, как можно довольствоваться малым, а именно «серенькими» женами, по манерам своим и поведению больше напоминающими мужчин или ленивых домохозяек, флегматично выполняющих обязанности жены.

«Diva» назвал Лио Артур, когда в первый раз увидел ее плавно передвигающейся по залу в длинном, золотистом платье, обнажающем одну из ее ног – красивую и длинную. И так оно и было во всем итальянском значении этого короткого, но объемного слова. Она была Дива. Она была такая одна. И он сразу понял это. Она всегда выделялась на фоне остальных женщин, как будто никого, кроме нее, не существовало. Ухоженная, капризная, утонченная и роскошная, она точно знала, чего хочет, и часто обесценивала мужские доблести. Она не позволяла по отношению к себе фамильярности и всегда держала всех, кроме близких ей людей, на дистанции, и никому не получалось разгадать ее мыслей. Она была самодостаточно счастлива и не нуждалась в компаниях, и это заводило Артура еще больше, он хотел узнать, что творилось в ее мире, который она так искусно создала, и ему во что бы то ни стало хотелось стать частью этого мира. Он знал, что покорить ее будет не легче, чем одомашнить дикую утку. Но он поставил цель. А целей он всегда добивался.

Он не привык к завышенным ожиданиям по отношению к себе со стороны женщин, его мать была удовлетворена своим браком и к детям относилась строго, консервативно подходя к воспитанию, но не проецируя на них своих идеалов. Он запомнил мать дружелюбной, ненавязчивой, временами отстраненной от семейных дел, благодаря чему его самооценка ни разу не оказалась под ударом. Он рос смышленным, в меру самоуверенным и спокойным человеком.

Его бывшая жена, с которой он познакомился в университете, была ему скорее лучшим другом, чем объектом страсти и «вечной любви». Низенькая, коренастая, светловолосая англичанка с шотландскими корнями, она хорошо говорила на немецком языке и увлекалась велоспортом.

Он женился на ней в продолжение их дружеской связи, а она вышла за него в знак своей преданности и уважения. Вместе они прожили двадцать лет, пять последних из которых они спали в разных спальнях. У них было трое детей: двое сыновей и дочь.

Она встретила другого мужчину и долго не отваживалась рассказать об этом Артуру. Он же был слишком поглощен работой и дорогостоящими хобби, чтобы заметить это, тем самым предоставив жене полную свободу. Он редко думал о ней, когда находился вне дома, и никогда не вспоминал, уезжая с друзьями кататься на лыжах или рыбачить в океане, но когда это все же происходило, он понимал, что что-то в этой сфере его жизни было неправильно, чего-то серьезно недоставало. Его брак казался ему крепостью, но при этом нежилой, из окон которой постоянно сквозило, и хоть ему и было в ней спокойно, находиться там он почему-то не особо спешил. Он ни разу не приревновал свою жену и не отслеживал, как на нее смотрят другие мужчины.

С Лией все обстояло иначе. Сначала, когда чувство ревности возникало в нем, он не знал, как на него реагировать. Он впервые в жизни чувствовал себя уязвимым, растерянным и

беспомощным. Он мог резко высказать Лие свое мнение по поводу ее поведения или, пока она не видела, прочитать сообщения в ее мессенджерах, и это только усугубляло его терзания и чувство безысходности. Он стал нервным на работе, и его хобби больше не приносили такой радости, как раньше. Его любовь к себе и мужская уверенность пошатнулись, но он постепенно научился жить с этим и зачастую справлялся со своими эмоциями.

В семейной жизни с Лией он был вечным покорителем вершин, которых достигал, но они тут же рассеивались, как мираж. Он просыпался очередным утром и понимал, что «покорение» ему всего лишь приснилось и он снова оказался у подножья. Его запал никогда не иссякал. Он вставал с кровати и начинал готовиться к новому восхождению, параллельно думая о том, что надо покрасить свой новый Макларен в особенный серо-жемчужный цвет, немного похожий на Grigio Estoque, цвет Ламбаргини его партнера по гольфу, потому что Лие не нравятся яркие цвета суперкаров.

Артур шел на переговоры, зная, что у него нет ни единого шанса проиграть или сдать, потому что дома ждет его она. Его звезда, которая сияла ярко на небосклоне, заслоняя собой все остальное в его жизни. И не было пути назад, не было времени для расслабления, если быть на этом небосклоне солнцем. Он хотел, чтобы она им гордилась, чтобы никто не мог сравниться с ним в его силе и способности заботиться о своей женщине. Он точно знал, что это можно сделать

только поступками. И он их совершал. Неустанно. Упорно и безоговорочно. Он впервые любил женщину и боготворил ее, насколько ему позволяло его естество.

Глава 6

– Совсем забыла тебе сказать, – как бы между прочим произнесла Лия. – Недавно звонил Артур предупредить, что задерживается. А еще он сказал, что наш сосед Тео приходил сегодня во время ланча.

Лиза вздрогнула.

– Так вот, Тео спрашивал, все ли в порядке с леди Элизабет, которую он поставил в неловкую ситуацию сегодня утром. Спросил, кто она такая, так как Брюса он, конечно же, знает, а вот новую его спутницу отнюдь нет. Какое упущение!

По мере того, как Лия пересказывала разговор с мужем, Лиза заливалась краской, становясь похожей на землянику в самом ее соку. Даже Сашенька в свои три годика показала бы на Лизу толстым пальчиком и сказала, что та влюблена.

– Артур ответил, что ты наша дорогая гостья из далекой и холодной России и, насколько он знает, с тобой все более чем в порядке и на данный момент ты пребываешь в компании его драгоценной жены где-то в садах Уисли. Ты не хотела бы прокомментировать это, Элизабет? – по-лисьи улыбнулась Лия.

Лиза сделала глоток чая и неуверенно посмотрела на Лию.

– Я уже прокомментировала это утром, если ты помнишь. Ничего особенного не произошло. Его собака на меня на-

бросилась. Все. Конец истории.

– Ах да, я припоминаю. Как интересно, что это, оказывается, наш сосед Тео, процветающий бизнесмен в третьем поколении. Очень хороший парень, и кстати, мне безумно нравится его невеста. Мегги. Симпатичная девушка, юрист в компании своего отца.

Именно этого Лизе не хватало: чтобы ее как следует обдали ледяной водой с головы до ног и выбросили в снег где-нибудь посередине Антарктики.

«Как можно быть такой наивной? – удивилась она самой себе. – Только я могла после слова «привет» мысленно выйти замуж за первого встречного англичанина и родить от него троих детей. Ну ладно, нечем было заполнить внутреннюю пустоту. Но зачем заполнять ее тем, что совсем иллюзорно, и примерять на себя то, что тебе не по плечу?»

Она вспомнила свою недавнюю установку про «научиться прыгать выше головы», которая так не отвечала этим ее мыслям.

– Очень мило с его стороны было прийти и поинтересоваться, все ли с тобой в порядке, правда? – сказала Лия.

Лиза попыталась ответить, но слова не захотели выстраиваться в ряд, и она замолчала. Ей не хотелось оправдываться и быть «пойманной» на том, что она не равнодушна к Тео. Ей сделалась неприятно. Она ревновала. Она знала этого мужчину всего несколько минут, но он благоухал ветивером и восточными пряностями, а ей очень нравилась эта сладкая

смесь.

– Ты расстроилась, Лиза?

– Нет, конечно, – с неприсущей ей легкостью солгала она. – Отчего бы мне расстраиваться?

– Не знаю, ты немного погрустнела.

– Я устала, да и с работы звонили несколько раз. Как же мне хочется ее поменять!

– А что мешает?

– Боюсь. Куда я пойду? Насквозь творческая личность, всячески избегающая ответственности.

– Ну это не про тебя. Я бы не побоялась доверить тебе дом и Сашеньку на несколько дней. А это, поверь, о многом говорит. Ты творческая, но при этом очень надежная.

– Мне приятно, что ты мне доверяешь, – сказала Лиза, и ей стало тепло от слов Лии.

– Чем бы ты хотела заниматься? Если бы тебе можно было выбрать своим занятием все что угодно?

Солнце выглянуло из-за сгущавшихся туч и ласково пощекотало лицо Лизы, освещая гостиную мягким рассеянным светом.

– Я бы хотела стать дизайнером одежды, – честно ответила Лиза, обнажив свои смелые мечты. Ей стало неловко. – Я бы хотела работать с кружевом, создавать красивое нижнее белье. А еще платья – повседневные и вечерние – роскошные, но при этом сдержанные, элегантные, раскрывающие сексуальность их обладательниц, но при этом оставляющие их за-

гадочными и недоступными.

Лия удивленно посмотрела на подругу. Она не ожидала от той подобного признания.

– Это несколько несопоставимо с твоей работой переводчика, но тем не менее звучит убедительно. Ты непременно должна попробовать. Кстати, ты права. Мужчины любят недоступных женщин. Они восхищаются ими и думают, что за этой недоступностью скрывается что-то ценное, а значит им есть что показать помимо своего тела. Я бы однозначно надела такое платье.

Входная дверь была открыта, и девушки услышали приближающиеся к дому шаги.

– Кто бы это мог быть?

Лия пошла встречать неожиданных гостей. И каково же было ее удивление, когда там оказался Тео, держащий на коротком поводке свою собаку.

– Привет, Тео, заходи, – услышала Лиза и заерзала. «Убежать на второй этаж, закрыться в спальне и дрожать там, как кленовый лист, лишь бы этот благоуханный мужчина не увидел, что он мне нравится», – промелькнуло в ее голове.

Она так себя накрутила, что действительно убежала наверх, и когда Лия с соседом пришли на террасу, ее уже и след простыл.

– Странно, – произнесла хозяйка дома. – Еще минуту назад Лиза была здесь, не понимаю, куда она подевалась. Чаю?

– Нет-нет, я пойду. Нужно выгулять Айви, пока совсем не

стемнело. Передавайте мои наилучшие пожелания Элизабет и Артуру.

– Как Мегги? – спросила Лия.

– О, Артур вам не сказал? Мы расстались около месяца назад, и она съехала от меня.

– Я не знала, прости. Время так летит. Мне очень жаль.

– Все в порядке. На самом деле, мы давно оставались просто хорошими друзьями, живущими под одной крышей. Спокойной ночи, Лия. Пока, Брюс.

Маленький абрикосовый комочек игрался с тучным, черным, как ночь, щенком. Несмотря на разные весовые категории, собаки выглядели счастливыми. Брюс недоуменно посмотрел вслед своей удаляющейся подружке и с опущенным хвостом пошел в дом.

Лия тоже посмотрела вслед Тео и в задумчивости поднялась наверх, чтобы поговорить с Лизой, но передумала и вместо этого заглянула в спальню Сашеньки. Девочка мирно спала, закрутив на маленьком пальчике золотистые кучеряшки. Лия наклонилась над кроватью дочери и аккуратно распутала их. Она поцеловала дочь и вышла из комнаты. Еще раз бросив взгляд на спальню подруги, она прошла мимо и спустилась на кухню, чтобы заварить травяного чая.

Ночь незаметно поглотила все вокруг, и Лие захотелось раствориться в ней. Она села у окна, любуясь серебристой дорожкой, которая мерцала по воде, разделяя пруд на две ровные части.

Лиза лежала в кровати и чувствовала, что повела себя по-детски. Невоспитанно. Сбежала. Поставила Лию в неудобное положение. Она решила извиниться перед ней завтра и объяснить свое поведение неготовностью к разговорам с мужчинами. Это звучало глупо, зато, судя по случившемуся сегодня, было правдой.

Она закрыла глаза и представила себя успешной женщиной. Например, как Лия, у которой было все, о чем можно было мечтать. В отличие от нее, скучного переводчика, читающего каждый месяц тонны романов и вечно витающего в облаках.

«Как можно было на глазах у самого красивого мужчины шлепнуться в лужу? – думала Лиза, постепенно погружаясь в сон. – Интересно, какая она, эта Мегги?»

Глава 7

Лиза вышла на улицу, свежий воздух дотронулся до ее лица, он был такой же хрустящий и чистый, как ее только что вымытые длинные волосы, отливающие на солнце золотисто-красным оттенком меди.

Где-то вдалеке она услышала переливы церковных колоколов. «Та-ла-ла-ла. Та-ла-ла-ла», – звучали они, зазывая прихожан на утреннюю службу. Эти звоны отзывались у Лизы отрывками английских романов, которые одно время она не отрываясь читала московскими вечерами, наполненными шумом трамваев и машин.

Именно такой она себе представляла Англию викторианской эпохи, охваченную проникновенными звуками деревенских церковных колоколов, ограждающих местных жителей от дурных умыслов и наставляющих на путь истинный, и картинки, которые она себе когда-то отчетливо нарисовала в воображении, теперь ожили и выстроились вокруг нее новой реальностью.

Лизе не пришлось ничего объяснять Лие про свое вчерашнее поведение, поскольку она застала ее в дверях, и Лия, рассмеявшись, назвала ее «дезертиром» и сказала, что ничего особенного та не пропустила. Тео приходил поздороваться и заодно поинтересоваться, все ли в порядке с его новой знакомой.

Лия показала новое пальто цвета сладкой карамели, которое пришло ей сегодня с net-a-porter, и упорхнула в прекрасном настроении на съемку кулинарных видео для ее вебсайта.

Сонный Брюс семенил маленькими кучерявыми лапками впереди Лизы, раздраженный тем, что ему пришлось выйти из дома в такую погоду.

Было ветрено, и начал накрапывать дождь. Брюс терпеть не мог гулять, когда шел дождь, но любил, когда на улице было солнечно и сухо. Лиза подбадривала его, на что он, скукожившись, только изредка недовольно на нее оборачивался.

Лиза решила вечером поехать в гости к подруге, которая жила на южном побережье Англии и давно звала ее в гости, чтобы познакомиться со своей новой семьей. Девушки учились в одном университете, и после его успешного окончания с красным дипломом Вероника стала вести русский язык для иностранцев. Так она встретила своего мужа, который хотел познакомиться с красивой, женственной русскоязычной девушкой, и уехала жить к нему в Англию.

Неожиданно Брюс ожил, завилял хвостом и побежал вперед. Лиза увидела несущегося к ним черного лабрадора и даже взглянула, нет ли рядом луж, как вдруг он остановился и начал обнюхивательную церемонию с Брюсом, сопровождающуюся обоюдным интенсивным вилянием хвостов. Лабрадор начал прыгать, зазывая Брюса поиграть, на что тот безоговорочно согласился: то ложась, то энергично вскакивая в

ответ.

– Привет! – по-британски растянуто сказал Тео. – Как дела?

Он направлялся к ней, и Лизе на этот раз было некуда деться. «Только бы не этот запах!» – молилась она про себя, чтобы не лишиться чувств от сладких, умопомрачительных восточных ноток. Смущаясь, она ответила, что все хорошо.

Тео выглядел еще лучше, чем она его запомнила. Может, потому что сегодня ей выпала возможность разглядеть его, хотя она изо всех сил старалась этого не делать. Его кучерявые волосы намокли от дождя; легкая, ухоженная небритость, глаза цвета кюрасао... Он был одет в джинсы и футболку темно-серого цвета, с ветровкой в руках. Он тоже рассматривал Лизу, от чего она смутилась еще больше.

– Я знаю, что вы из России, – сказал Тео. – Из какой именно части?

– Из Москвы.

– Правда? Всегда хотел побывать в Москве. А вы надолго здесь?

Лиза не понимала, почему он разговаривает с ней и задает вопросы, но вспомнила, что это у британцев в крови: задавать вопросы и всем видом показывать, как это им интересно. Make small talk, как говорится.

– На пару недель, но так не хочется уезжать, – чуточку расслабившись и уже бессознательно кокетничая с ним, ответила она.

– Давайте поужинаем сегодня вечером, если, конечно, у вас нет никаких других планов, – неожиданно предложил Тео.

«Ну вот тебе и англичане, – расстроилась Лиза. – Без пяти минут женат, а все никак не уgomонится». Ей захотелось спросить, что на это счет подумает Мегги, но она промолчала.

– Хорошо! – сказала она.

Лиза не могла поверить своим ушам. Она знала, что будет корить себя за то, что так быстро согласилась идти на ужин практически с женатым англичанином.

Но что сказано, то сказано. Она согласилась пойти на ужин, тем самым тут же отказавшись от планов поехать на побережье к Веронике. И почему-то это было самым чудесным ощущением за много лет.

Они медленно шли по направлению к озеру. В воздухе, под солнечными лучами, растаяли цветочные ароматы, напоминающие сладкий бергамотовый чай.

* * *

Для Тео русские женщины всегда представлялись чем-то хрупким и привлекательным, эдаким сладким запретным плодом, хотя Лия была единственным экземпляром из них, с кем он был лично знаком. Запретным плодом, потому что он знал, сколько трудностей может возникнуть в отношении-

ях с женщиной, чей менталитет кардинально противоположен его собственному. Он не раз с этим сталкивался в разговорах с Лией, да и Артур упоминал что-то в этом роде на вечеринке, посвященной его дню рождения. Несмотря на это, в Лизе было что-то такое, что Тео пока не мог себе объяснить, – ему хотелось находиться рядом с этой красивой девушкой. Ему очень нравился Лизин русский акцент, и он хотел, чтобы она говорила как можно больше. Когда она беседовала с ним, она изящными тонкими пальцами застенчиво поправляла длинные каштановые волосы, в смущении опускала большие зеленые глаза, и румянец заливал ее по-детски милое личико. Ему нравились ее худые ноги, обутые в обнажающие их верхнюю часть огромные резиновые сапоги. Из приличия он старался не смотреть на них, но это давалось ему не просто. В то утро он пошел гулять с собакой в надежде встретить Лизу, даже несмотря на то, что это грозило ему опозданием на важную встречу с клиентом.

Брюс и Айви веселились, как могли. По всей видимости, Брюс забыл, как сильно он ненавидит принимать ванну после подобных мероприятий. Лиза с Тео беседовали на разные темы, он шутил, рассказывал, как на прошлой неделе он ездил в командировку в Италию и как сильно ему нравится Рим. Лиза рассказывала ему о том, как сильно ей нравится английская литература и как много она о ней знает. За всю прогулку Тео ни разу не обмолвился о Мегги.

И это отравляло отношение Лизы к нему. Он вел себя бес-

совестно. Лиза чувствовала себя обманутой, ведь Тео откровенно заигрывал с ней. И она эпизодами, когда он приближался к ней или случайно дотрагивался до нее, чувствовала, как электрический ток пробегает по ее телу, донося до головы приятное до дрожи послание, которое, однако, ей не хотелось принимать. Вместо этого она думала о том, что бы на все это сказала Мегги.

«Всего лишь один ужин», – решила Лиза. Ей захотелось *дообмануть* себя. И как ни странно, в этом не было ничего для нее пугающего.

– До скорой встречи! – попрощался Тео, с силой потянув собаку за поводок.

Айви не соглашалась расставаться с Брюсом, дружелюбно виляя хвостом и звонко лая своему другу. Лиза улыбнулась и несмело помахала рукой. Ее симпатия к Тео казалась ей слишком честной, слишком откровенной. Она подняла Брюса на руки и быстро зашагала домой.

Глава 8

Может, для Тео это и было «до скорой встречи», в то время как для Лизы этот день длился целую вечность. Она множество раз перебрала содержимое своего скудного гардероба, понимая, что надеть ей было совершенно, просто катастрофически нечего. Ею овладела паника, и она на какое-то время перестала воспринимать Тео как несвободного мужчину, забыв, что ужин наверняка является для него формальной английской вежливостью.

До конца не высохший после принятия ванны Брюс вопросительно смотрел на Лизу. То и дело наклоняя кудрявую голову, он пытался понять, пригласили ли его сегодня вечером составить компанию Айви.

Чтобы отвлечься и свежим взглядом оценить свои наряды, Лиза позвонила Веронике и, валяясь на кровати, проговорила с ней полтора часа. Вероника совершенно не обиделась на нее за то, что та отложила поездку, – более того, похвалила ее за смелость пойти на ужин в компании англичанина, рассказывая о том, какие местные мужчины отличные семьянины и замечательные любовники. Вероника не знала о существовании Мегги.

Каникулы в Англии расслабили Лизу, и ей совсем не хотелось переключаться на рабочие дела. Она открыла документ для перевода и потрудилась над ним пару часов, но не

потому, что так было надо, а чтобы удостовериться, что ее жизнь была реальной и в ней было больше места практике, чем романтике.

Ей очень хотелось сказать Лие о произошедшем. Будучи женой, Лия наверняка сказала бы, что это, по меньшей мере, некрасиво, а еще пустая трата времени. Но Лизе в тот вечер повезло. Съёмки в Лондоне затянулись, и Лия задерживалась до позднего вечера. Сашенька была с няней, а Артур на работе.

Тео пообещал заехать в половине седьмого. Оставалось пять минут. Лиза проверила все часы, которые были в доме, чтобы не опоздать и не выйти намного раньше.

Вечер выдался очень теплым, но воздух при этом будто насквозь промок. Перед выходом Лиза посмотрела на себя в зеркало. Из-за переживаний и долгих прогулок (несмотря на чизкейк), она похудела, что благоприятно сказалось на ее внешнем виде: она выглядела худой, но не болезненно, а утонченно и правильно. Она надела красное платье-футляр и бежевые туфли на высоких каблуках. Туфли были очень неудобными, ходить в них можно было только по определенной схеме: из дома до машины, потом из машины до столика в ресторане, затем от столика до дамской комнаты и обратно, потом до машины – и домой. Но вечер обещал быть именно таким, поэтому Лиза отважилась их надеть.

Безусловно, она чувствовала, что не соответствует социальному статусу Тео, и ей не хотелось ставить его в неловкое

положение, будучи одетой в наряд стоимостью в сто фунтов, но ее спасала мысль, что в Англии окружающим обычно все равно, как ты выглядишь. Например, Артур постоянно говорит Лие, когда она наряжается в платья: «О, это too much (англ. «О, это перебор»), жена Саймона будет в джинсах и свитере» (вполне возможно, даже в растянутом), а сам наверняка гордится своей элегантной женой. Как Лиза успела понять, в Англии самое главное – это то, кем ты работаешь, какие у тебя хобби и делаешь ли ты recycling (англ.: утилизацию). А Тео – несвободен, поэтому ему тоже будет все равно. Загладит вину кусочком лосося, и до скорого!

* * *

Когда Лиза вышла на улицу, Тео уже подъехал к дому. Увидев ее, он вышел из машины и, сказав: «Ты великолепно выглядишь», – открыл дверцу и помог ей сесть на сиденье цвета мокко со льдом. Лиза не знала, что это была за марка автомобиля, так как никогда не видела значка в виде крыльев без В, а различить надпись издалека она не смогла, да и не старалась. На тот момент ей показался достаточным тот факт, что это был самый красивый автомобиль, который она видела, включая телевизор и глянцевые журналы, и самый красивый водитель.

По-прежнему пахнувший ветивером и восточными пряностями Тео сел за руль, спросил Лизу, не против ли она по-

ехать с откинутой крышей, на что она незамысловато ответила: «Все в порядке», – после чего крыша медленно опустилась и машина покатила по гладкой, ровной дороге.

Тео выглядел безупречно. С лоском. Лиза могла бы сравнить его с моделями Armani, но не посмела, так как он был намного brutальнее и основательнее. Его мускулистые руки обтягивала белоснежная рубашка, подчеркивающая легкий загар и обнажающая бесцеремонно выглядывающие волосы на груди, а штаны сидели на нем идеально, Она никогда не видела таких идеально сидящих на мужчине штанов. Встречный ветер раздувал его непослушные кудряшки, мимо пролетали погружающиеся в серую дымку зеленые пейзажи английской сельской местности, обрамленные розоватым небом, с как будто вышитым на горизонте золотыми нитями солнцем. Тихо играл по-настоящему летний, невесомый deep house.

Лизе нравилось, как Тео вел машину: не спеша, вальяжно и без резких толчков, когда автомобиль трогался на светофоре. Она расслабилась и отдалась очарованию вечера. Тепло разлилось по ее телу, и она решила запомнить каждую минуту, проведенную с мужчиной, от которого веяло надежностью и спокойствием.

За всю дорогу Лиза обменялась с Тео несколькими ненавязчивыми фразами, и, что было действительно удивительно, им было комфортно молчать друг с другом.

Незаметно они оказались в самом центре финансового ги-

ганта, Лондона, окруженного огромными серыми зданиями и узенькими проходами, забитыми разношерстной публикой. Было сложно представить, сколько власти и мощи сконцентрировалось в этом фешенебельном городе.

– Я заказал столик в ресторане с русской кухней, – сказал Тео, неспешно повернувшись к ней. – Нам придется прогуляться до него несколько минут, если ты не против.

Лиза подумала, что начало вечера было настолько удачным и не предвещающим проблем, что она совершенно забыла о том, что красота ее длинных, стройных ног требовала непосильной жертвы. Но как можно было об этом сказать мужчине, который ласково смотрел на нее бирюзовыми глазами, аккуратно поправляя рукой свои темно-русые кучерявые волосы? И что она, безусловно, пошла бы с ним не то что до русского ресторана, но на край света, но при условии если босиком...

– Да, конечно, – улыбнулась она, и, скорее всего, поблелела.

Тео помог ей выйти из машины, крыша еле слышно опустилась на место, и они медленно пошли в самую гущу вечернего Лондона, в котором можно было почувствовать себя крошечной каплей в огромной, бурлящей пучине страстей.

Тео что-то говорил о ресторане, почему он выбрал именно его, что-то про русского владельца, фамилию которого Лиза, конечно же, сразу узнала, но ей было не до поддержания разговоров. Осторожно ступая в туфлях по вымощенной брус-

чаткой идеальной дороге, она, как могла, концентрировалась на своей походке и особенно ногах, вспоминая, как успешно это получается у Лии. Она порхает на каблучках, как бабочка, наслаждающаяся ароматными летними цветами, легко перелетая с одного на другой. Теперь Лизе было очевидно, почему британки любят плоскую подошву и особенно кроссовки: главный критерий здесь это удобство. Именно оно делает тебя самим собой и позволяет улыбаться. Тео быстро заметил, что с его спутницей что-то не так, и спросил, все ли в порядке. Лиза сказала, что да, в этот раз с натянутой улыбкой, которая выражала коктейль из боли, восхищения и отчаяния.

Тео как будто не поверил, подозрительно окинув ее взглядом. И, наверное, обо всем догадался, но, будучи настоящим джентльменом, не подал виду. Вместо этого он замедлил шаг и, указывая на какое-то старинное, величественное здание, начал про него рассказывать.

На входе в ресторан, как достояние и одно из украшений заведения, гостей встречала цветущая темноволосая хостесс, одетая в элегантный облегающий деловой костюм цвета бордо. Она широко улыбалась, но по ее выражению лица, коже, макияжу Лиза сразу поняла, что она русская. В ней не было той «восковости» и сложности, которые Лиза считала присущими местным жителям. Девушка спросила Тео про бронирование столика и, пока она искала его имя, он сказал, что его леди – русская.

– Здравствуйте, – сказала брюнетка, посмотрев на Лизу,

как будто проверяя его слова на достоверность. – Добро пожаловать в наш ресторан.

Тео посмотрел на обеих девушек. Ему льстило, что он стоял между двумя красивыми женщинами. Тео нравился русский язык и особенно его акцент в английском. Ему стало приятно, что сегодня вечером он очутился в другом мире, параллельном его собственному, и ему стало понятно, что настала пора отдыха, он очень много работал в этом году и даже забыл, что на дворе стоял самый разгар лета. Ему захотелось остаться в этом «новом мире» во что бы то ни стало, и он аккуратно взял за локоть свою проводницу в него.

Сев за долгожданный столик, Лиза перевела дыхание и получила от своего положения такое удовольствие, что даже сам вечер не мог с ним сравниться. Перед ней оказалась ваза с восхитительными живыми персиковыми розами с необычайно тонким ароматом. Пока Тео беседовал с сомелье и рассматривал карту вин, Лиза смотрела на его мужественные черты лица, на его неспешные движения, и тепло снова разливалось по ее телу. Она подумала на английском, что «It's what definitely foreigners call "chemistry"» (англ.: Это определено то, что иностранцы называют «химией»).

Телефон завибрировал в сумочке. На экране высветилось сообщение, в котором Лия спрашивала, что происходит с Лизой и про ее местоположение. Лиза не предупредила ее, что ужинает с Тео, так как боялась, что она раскритикует ее за неподобающее поведение в отношении почти же-

натого мужчины. Поэтому Лиза решила получить выговор непосредственно после случившегося, поскольку терять будет уже нечего. Даже если Льюисы ее выставят с чемоданом из дома, она будет счастлива поехать назад в Россию, проведя вечер с самым необыкновенным мужчиной своей жизни.

Лиза взяла меню и с сосредоточенным лицом знатока итальянской кухни начала его листать. Увидев цены, она захотела тут же его закрыть, что она и сделала, но не стушевалась при этом, а с довольным выражением лица сказала:

– Минеральной воды, пожалуйста. Без газов.

– Конечно, – кивнул официант, слегка наклонившись в ее сторону. – А что вы закажете на закуску и что предпочитаете на горячее? – произнес он с четким итальянским акцентом, напоминающим Лизе ее собственный.

Официант был аккуратно причесан, с усиками над верхней губой. Лизе показалось, что она перенеслась в пятидесятые годы в Америку. Его идеальные манеры гармонично дополняли строгий и фешенебельный интерьер ресторана.

– Эммм... – смутилась она. – Спасибо, но я не голодна. Просто воды, пожалуйста.

Тео недоуменно посмотрел на свою спутницу. Его удивило, что девушка пришла с ним ужинать и заказала только воду. Лиза не знала, хотел ли он рассмеяться или расстроиться, но ей было все равно. Она не могла потратить в этом ресторане русского владельца свою почти месячную зарплату на ужин из трех блюд и напитков. Ожидать, что заплатит Тео,

она не могла. Это Англия. Она волновалась, что ее догадки о заглаживании его вины лососем неправдоподобны и он пригласил ее просто, например, чтобы скоротать одинокий вечер с русской барышней, пока его невеста гостит где-нибудь у друзей на юге Франции. Она опасалась, что он ожидал от нее статуса, подобного Лие и Артуру, раз она с ними жила, хотя на самом-то деле все было кардинально противоположно. Лиза не могла составить конкуренцию его состоятельной невесте. Она была обычным переводчиком из России, работающим на издательство, существование которого вот уже который месяц было под вопросом.

– Ты не голодна? – сказал растерянный Тео. – Дайте нам пару минут, пожалуйста, – обратился он к официанту.

– Конечно, – четко произнеся каждую букву, ответил тот и растворился в приглушенном свете роскошного зала, усыпанного живыми цветами.

Тео повернулся к Лизе и наклонился над столиком, положив на него свои крепкие руки с красивыми, тяжелыми часами на левой.

– Можно я закажу тебе что-нибудь по своему вкусу? – поинтересовался он. – Или ты предпочитаешь азиатскую кухню? Здесь есть второй зал. Извини, пожалуйста, если я сделал неправильный выбор и тебе ничего не понравилось в меню.

Лиза внимательно смотрела на Тео, пока он пытался хоть как-то объяснить себе ее поведение. Ей хотелось разглядеть

его лицо до атомов. Его полные чувственные губы, аккуратный нос, ямочки на щеках, аккуратно росшую на мужественных скулах и на выдающемся подбородке темную щетину. Ей захотелось дотронуться в этот момент до него своими губами, чтобы он прекратил оправдываться и потерял дар речи от происходящего.

По его состоянию Лиза поняла, что ведет себя невежливо и неподобающе леди, которая была приглашена на ужин в элитный ресторан. Она мысленно подсчитала максимально допустимые финансовые траты на этот вечер и сказала Тео, что действительно не сильно голодна, поэтому съест вегетарианский салат и десерт. Он кивнул и жестом пригласил официанта к их столу.

Ресторан гудел, как кипящий привычной трудовой жизнью пчелиный улей. Повсюду раздавалась русская речь вперемишк с итальянской. Лизе показалось, что Тео был единственным англичанином в заведении, издающим подлинные английские звуки. Сам Тео тоже это заметил и был рад тому, что ему все-таки удалось погрузиться в другой мир.

Больше всего на свете Лиза не любила проводить первую встречу с мужчиной (а в данном случае, как она полагала, и последнюю) в ресторанах или кафе. Одним словом, в любых заведениях, где едят. Она находила этот процесс очень интимным и позволить себе есть рядом с мужчиной могла только в том случае, если знала его достаточно хорошо.

Оказавшись в Англии, она словно потеряла свои жизнен-

ные ориентиры. Согласившись на ужин с Тео, она переступила через свой важный принцип и теперь расплачивалась за это дискомфортом.

Ноги ныли уже только от одной мысли о том, что ей придется после ужина возвращаться к машине, в животе крутило от переживаний, что не хватит денег расплатиться за заказанные блюда и каким прилюдным позором это может ей обернуться, руки не слушались, когда она попеременно орудовала вилкой и ножом. Лиза подумала, что Тео за этим всем наблюдает и непременно думает, что русские женщины, по меньшей мере, странные.

Осмотрев пару видов рыбы, которые ему принес официант, Тео сделал свой заказ и обратился к Лизе.

– Как тебе Англия, Элизабет? Тебе нравится здесь?

Он старался поддерживать разговор, в то время как Лиза сосредоточилась на своей презентации. Она следила за тем, чтобы не закинуть от волнения ногу на ногу, а держать их вместе, красиво и непринужденно наклонив набок; за тем, как она держит столовые приборы, как пытается сначала лизнуть бокал, пока Тео отвлекается на еду, чтобы не оставить отпечатки кремовой помады на стекле.

– Очень, – как можно естественнее ответила она. – Когда я летела сюда в первый раз, у меня было ощущение, что я возвращаюсь домой. Я смотрела в иллюминатор самолета, и английская земля мне напоминала архитектурные макеты для дворцов. А я всегда мечтала быть принцессой. Здесь это

не сложно.

Тео нежно улыбнулся. Он временами очень пристально смотрел на Лизу, как будто хотел отметить для себя что-то очень важное. Только что он поймал себя на мысли, что она действительно напоминает ему принцессу. Ее легкость, детскость и в то же время женственные манеры притягивали его. Он к этому не привык в своих прошлых отношениях, но изредка видя Лию, он подозревал, что подобные женщины существуют где-то еще. Глядя на Лизу и слушая ее неспешную, временами ломаную английскую речь, он поймал себя на мысли, что смог бы ревновать эту женщину, хотя никогда не делал этого раньше и вряд ли мог сказать, что именно это за чувство. Ему захотелось это испытать. Ему нравились ее ноги, они казались ему кукольными, как у Барби: гладкие, с идеальной формы коленками. На каблуках они казались еще длиннее, и он старался отвлекать себя от мыслей о них, сосредотачиваясь на том, что говорила его прекрасная собеседница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.